

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
BRANCH AND REGIONAL ECONOMY

УДК 332.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-3

Корчагина И.В.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ДОБЫЧИ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ
С СОСТОЯНИЕМ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИ-
НИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ РЕСУРСНОГО ТИПА**

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, д. 6, Кемерово, 650043, Россия

e-mail: korchagina-i@mail.ru

Аннотация.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью формирования сбалансированной модели роста для регионов ресурсного типа в условиях санкций. Для этого значимо развитие малого и среднего предпринимательства. Однако взаимосвязь малого и среднего предпринимательства с добычей полезных ископаемых, как показывает библиографический поиск, слабо изучено. Цель работы – определить характер взаимосвязей между добычей полезных ископаемых и малым, средним предпринимательством в регионах ресурсного типа России. Методы – структурный анализ, дескриптивная статистика, t-критерий Стьюдента, парный t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ. Установлено, что удельный вес малого и среднего предпринимательства в регионах ресурсного типа достоверно ниже. В большинстве регионов он составляет около 17-18%, тогда как удельный вес добычи полезных ископаемых обычно в 2 раза выше. Данные показатели имеют статистически значимую отрицательную корреляцию. При этом низкая доля малого и среднего предпринимательства не может быть объяснена ресурсным проклятием, поскольку в абсолютном выражении оно в целом соответствует среднему уровню. В наиболее суровых, слабо заселенных регионах (Чукотский автономный округ, Магаданская область, Тюменская область) очень высок абсолютный и относительный вклад добычи полезных ископаемых в валовой региональный продукт. Это объясняет низкую относительную долю предпринимательства, развитие которого сдерживается низкой плотностью населения, его оттоком, тратой средств вне региона, а также большим расслоением по доходам. В более благоприятных климатических условиях, при более высокой заселенности территории (Белгородская область, Удмуртская Республика и др.) достигаются более сбалансированные пропорции добычи полезных ископаемых и малого, среднего предпринимательства в валовом региональном продукте.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, регионы ресурсного типа, валовой региональный продукт, добыча полезных ископаемых, региональная экономика.

Информация для цитирования: Корчагина И.В. Взаимосвязь добычи полезных ископаемых с состоянием малого и среднего предпринимательства в регионах ресурсного типа // Научный результат. Экономические исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 31-43. DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-3

Irina V. Korchagina

**THE RELATIONSHIP BETWEEN MINING
AND THE STATE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED
BUSINESSES IN RESOURCE-TYPE REGIONS**

Kemerovo State University
6 Krasnaya St., Kemerovo, 650043, Russia

e-mail: korchagina-i@mail.ru

Abstract.

The relevance of the research topic is determined by the need to form a balanced growth model for resource-type regions in the context of sanctions. For this, the development of small and medium-sized businesses is significant. However, the relationship of small and medium-sized businesses with mining, as shown by a bibliographic search, is poorly understood. The purpose of the work is to determine the nature of the relationship between mining and small and medium-sized businesses in resource-type regions of Russia. Methods – structural analysis, descriptive statistics, Student’s t-test, paired Student’s t-test, correlation analysis. It has been established that the share of small and medium-sized businesses in resource-type regions is significantly lower. In most regions, it is about 17-18%, while the share of mining is usually 2 times higher. These indicators have a statistically significant negative correlation. At the same time, the low share of small and medium-sized businesses cannot be explained by the resource curse, since in absolute terms it generally corresponds to the average level. In the most severe, sparsely populated regions (Chukotka Autonomous District, Magadan Oblast, Tyumen Oblast), the absolute and relative contribution of mining to the gross regional product is very high. This explains the low relative share of entrepreneurship, the development of which is constrained by low population density, its outflow, spending money outside the region, as well as large income stratification. In more favorable climatic conditions, with a higher population density of the territory (Belgorod region, Udmurt Republic, etc.), more balanced proportions of mining and small and medium-sized businesses in the gross regional product are achieved.

Key words: small and medium business; regions of resource type; gross regional product; mining; regional economy

Information for citation: Korchagina I. V. “The relationship between mining and the state of small and medium-sized businesses in resource-type regions”, *Research Result. Economic Research*, 9(1), 31-43, DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-3

Введение

Регионы ресурсного типа (или ресурсные регионы), которые располагают

богатыми запасами полезных ископаемых и ведут их активную добычу, продолжают оставаться важнейшей частью российской

экономики [Крюков и др., 2017; Никифорова, 2022; Klyuev, 2019]. В условиях санкций и ограничений на экспорт российской продукции первых технологических переделов в страны Европейского Союза и некоторые другие государства [Цивилёва, Голубев, 2022] актуальна научная дискуссия о перспективных направлениях изменений экономических систем регионов ресурсного типа в направлении большей диверсификации и сбалансированности, построения модели гармоничного инклюзивного роста.

Реакция на санкции не может и не должна ограничиваться поисками новых рынков сбыта углеводородов, металлов, другой продукции, особенно учитывая, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе российские товары продаются со значительным дисконтом. Так, по данным отечественной деловой прессы «как на восточном, так и на западном направлении российский уголь торгуется с дисконтами более \$200/т относительно региональных бенчмарков (т.е. на 45-50% дешевле). Эта скидка более чем в 10 раз больше, чем до 24 февраля» [Милькин, 2022].

Как правило, дискуссия о стратегическом развитии ресурсных регионов сводится к преодолению монопрофильной зависимости от 1-2 видов экономической деятельности (ВЭД), диверсификации экономики с точки зрения ее отраслевой структуры [Зарецкая, Титкова, 2017; Крюков, Шмат, 2022; Lashitew, Ross, Werker, 2021]. Действительно, трудно спорить с тем, что критическая зависимость регионов ресурсного типа от состояния мировых рынков сырья должна преодолеваться на базе построения сбалансированной отраслевой структуры, где присутствуют обрабатывающие производство, услуги и другие несырьевые ВЭД.

Однако не менее важен другой аспект развития ресурсных регионов – достижение рациональных пропорций с точки зрения соотношения между крупным, средним и малым бизнесом. В настоящее время достигнут научный консенсус отно-

сительно функциональной нагрузки и роли каждого из этих сегментов в национальной экономике, признано, что необходимо пропорциональное сочетание предприятий разных размеров [Антонова и др., 2020; Gherghina, 2020; Pahnke, Welter, Audretsch, 2022]. Отсюда возникает исследовательский вопрос, каковы пропорции между разными по размеру видами бизнеса в ресурсных регионах, и от чего это зависит.

Применительно к нашей стране также следует отметить, что в число национальных целей входит успешное предпринимательство, под которым понимается, в частности, достижение отметки в 25 млн. рабочих мест в этой сфере [О национальных целях..., 2020]. В соответствии с этим, Федеральная служба государственной статистики РФ (Росстат) приступила к расчету и публикации показателя «Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП и ВРП» [Национальные счета..., 2022]. Таким образом, задача развития малого и среднего предпринимательства, повышения его доли в ВРП остается актуальной для регионов ресурсного типа.

Однако анализ отечественной и зарубежной литературы показывает, что состояние и факторы развития малого предпринимательства в регионах ресурсного типа, сырьевых экономиках достаточно мало исследованы (как в мире в целом, так и непосредственно в России). Теоретической рамкой дискуссии о состоянии экономики ресурсных стран и регионов продолжают оставаться по преимуществу представления о ресурсном проклятии.

Теория ресурсного проклятия была первоначально изложена в нескольких работах [Auty, 1993; Sachs, Warner, 1997; Sachs, Warner, 2001]. Р. Аути, анализируя феномен ряда стран с низким уровнем дохода, но богатых металлическими рудами, продемонстрировал, что полезные ископаемые стали для них проблемой, а не конкурентным преимуществом. Создание мощного минерально-сырьевого комплекса обусловило номинальный экономический рост на определенном этапе, но одно-

временно деформировало структуру национального хозяйства вследствие деградации сельскохозяйственного производства, обрабатывающей промышленности. Поскольку рынок металлов отличается четко выраженной цикличностью, коррелированной с мировой макроэкономической динамикой, в фазе снижения цен такие страны оказались в тяжелом экономическом положении.

Часто цитируемые работы Дж. Сакса и А. Уорнера посвящены доказательству отрицательной корреляции между богатством природных ресурсов и темпами экономического роста в межстрановом разрезе. В них демонстрируется, что страны, которые концентрировались на добыче и экспорте сырья, сталкивались с негативными эффектами – как чисто экономическими («голландская болезнь» с завышением курса национальной валюты), так и институциональными (поиск ренты политиками и предпринимателями, включая высокую коррупцию). В целом тезис о ресурсном проклятии подчеркивает, что в сырьевой экономике добыча полезных ископаемых подавляет собой развитие обрабатывающей промышленности, инноваций, человеческого капитала и т.д.

Впоследствии появляются исследования, оспаривающие эту теорию. В частности, в одной из работ утверждается, что ресурсное проклятие проявляется лишь после определенного «порога избыточности» сырья и топлива [John, 2011]. Существует также точка зрения, что продуктивно использовать природные ресурсы для экономического роста чрезвычайно трудно, но все же возможно при условии адекватных фискальных режимов, пропорционального инвестирования, контрциклической политики, включая создание стабилизационных фондов [Venables, 2016]. Отмечается, что проявление ресурсного проклятия зависит и от конкретного вида природных ресурсов, наиболее рискованна с точки зрения возникновения диктатур, роста коррупции, генерирования внутренних конфликтов именно нефть [Ross, 2015].

Хотя теория ресурсного проклятия небесспорна, сырьевая модель роста, разумеется, более уязвима к волатильности рынков, более рискованна, более требовательна к институтам и качеству управления. В региональном разрезе, в отличие от уровня национальной экономики, наиболее значим риск формирования так называемой «анклавной двойственной экономики». Она делится на благополучную добывающую отрасль (с точки зрения прибыли, инвестиционной активности, уровня заработной платы) и мало с ней связанную остальную часть регионального хозяйства [Крюков, 2017].

В частности, в литературе описан кейс итальянской области Базиликата, которой активная добыча нефти «не помешала» стать одним из наименее развитых регионов, с плохим состоянием занятости, социальной сферы и образования [Pellegrini, Tasciotti, Spartaco, 2021]. Иными словами, положительный эффект от добычи такого достаточно дорогого сырья как нефть получили только добывающие компании, но не жители и не бюджет. Кроме того, экологические проблемы нанесли ущерб туризму. Однако на региональном уровне проявления ресурсного проклятия изучены значительно хуже [Fleming, Measham, Paredes, 2015].

Применительно к России установлено, что в арктических регионах не проявляется ресурсное проклятие как таковое, но мощный горнодобывающий комплекс обуславливает некоторые экономические уязвимости, включая зависимость от мирового сырьевого цикла [Gritsenko, Efimova, 2020]. Поскольку отдельных оценок влияния сырьевого характера экономики, ресурсного типа региона на состояние малого и среднего предпринимательства обнаружить не удалось, представляется интересным исследование в данной предметной области

Как показал проведенный обзор литературы, вопрос о взаимосвязи добычи полезных ископаемых с состоянием малого и среднего предпринимательства в рос-

сийских регионах ресурсного типа практически не изучен. Поэтому цель статьи – определить характер взаимосвязей между добычей полезных ископаемых и малым, средним предпринимательством в регионах ресурсного типа России. Предполагается получить ответ на два исследовательских вопроса:

1. Лучше или хуже развито малое и среднее предпринимательство в ресурсных регионах, чем в среднем по стране? (Иными словами, вытесняет ли добыча полезных ископаемых предпринимательство, подтверждается ли в этом аспекте гипотеза ресурсного проклятия).

2. Влияют ли величина и (или) структура ВРП региона ресурсного типа на уровень развития малого и среднего предпринимательства?

Основная часть

Полигоном исследования являются российские регионы ресурсного типа. При определении полигона исходили из того, что ресурсными являются те субъекты Российской Федерации, где удельный вес ВЭД «Добыча полезных ископаемых» превышает удельный вес любого другого ВЭД [Севастьянова, Токарев, Шмат, 2017]. При таком подходе к числу регионов ресурсного типа будут относиться Белгородская область, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Астраханская область, Удмуртская Республика, Оренбургская область, Тюменская область, Иркутская область, Кемеровская область – Кузбасс, Томская область, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ.

Хронологические рамки работы охватывают 2019-2020 гг. Такой выбор обусловлен тем, что необходимый для исследования показатель «Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП и ВРП» опубликован именно за такой период, а данные по структуре ВРП регионов за 2021 г. на момент исследования не представлены Росстатом. Кроме того, указан-

ные хронологические границы дают возможность сопоставить данные за относительно стабильный 2019 г., и за 2020, когда предпринимательство страны существенно пострадало от «коронавирусного кризиса» (намного сильнее, чем добыча полезных ископаемых).

Материалом для исследования являются официальные данные Росстата, опубликованные на его сайте в сети Интернет. В работе использовано три статистических показателя:

1. Доля малого и среднего предпринимательства в ВРП (Ω_{SME}), процентов, как обобщающая, интегральная метрика уровня развития малых и средних предприятий, по которой можно судить о представленности малого бизнеса в региональной экономике, оценивать, насколько оно лучше или хуже развито в интересующих нас регионах.

2. Доля ВЭД «Добыча полезных ископаемых в ВРП» (Ω_{MIN}), процентов, как индикатор зависимости региональной экономики от добывающей отрасли.

3. ВРП в расчете на душу населения (GRP_{pc}), тыс. руб., как показатель общего уровня экономического развития региона ресурсного типа.

Второй и третий показатели использовались также для поиска взаимосвязей особенностей региональной экономики с уровнем развития малого и среднего предпринимательства.

Исследование имело следующий дизайн. На первом этапе оценивался тип распределения показателя «Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП и ВРП» стандартными методами дескриптивной статистики, чтобы определить, какие статистические критерии можно использовать для сравнения совокупностей и определения статистической значимости различий. Далее определялось, насколько регионы ресурсного типа отличаются по уровню развития малого и среднего предпринимательства, страдает ли оно в действительности от ресурсного проклятия, или же, напротив, в ресурсных регионах

благоприятные условия для деятельности малых и средних предприятий. Совокупности ресурсных и нересурсных регионов сравнивались по t-критерию Стьюдента.

На втором этапе работы тестировались гипотезы о взаимосвязи между долями в ВРП добычи полезных ископаемых и малого, среднего предпринимательства, а также о влиянии величины ВРП на душу

населения на удельный вес малого и среднего предпринимательства в ВРП. Затем была проведена двумерная классификация регионов ресурсного типа по особенностям состояния малого и среднего предпринимательства.

Результаты и их обсуждение. Исходные, первичные данные для статистического анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Исходные данные для исследования

Table 1

Initial data for the study

	Ω_{SME}		Ω_{MIN}		GRP_{pc}	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020
Белгородская область	26,3	24,8	19,2	20,3	617,4	646,6
Республика Карелия	23,6	24,7	19,0	16,8	527,8	522,3
Республика Коми	10,3	11,2	43,8	32,8	873,2	749,2
Архангельская область	14,1	16,5	32,3	25,0	780,6	697,6
Астраханская область	14,6	16,0	48,0	37,7	596,4	527,0
Удмуртская Республика	23,7	26,1	26,8	20,9	479,6	451,5
Оренбургская область	17,0	18,8	40,8	35,5	564,9	539,1
Тюменская область	6,8	9,2	64,2	55,8	2384,6	1934,5
Иркутская область	18,3	18,2	29,2	25,4	645,5	631,6
Кемеровская область – Кузбасс	17,5	17,9	26,3	19,0	416,5	392,4
Томская область	24,3	27,1	27,6	17,8	577,6	518,2
Республика Саха (Якутия)	12,9	14,4	50,5	49,1	1258,7	1168,2
Забайкальский край	19,2	16,4	17,7	25,9	343,0	402,6
Магаданская область	22,8	17,2	45,0	56,2	1518,1	2035,0
Сахалинская область	10,2	11,9	64,3	55,5	2400,9	2059,2
Чукотский автономный округ	8,0	6,9	39,4	45,5	1898,6	2404,3

Как можно видеть из данных таблицы 1, удельный вес малого и среднего предпринимательства в ВРП регионов ресурсного типа существенно отличается, он может превышать 25% или снижаться до менее чем 10% (средний по России показатель из суммы ВРП всех регионов составил в 2019 и 2020 г. 22,8% и 22,5% соответственно). При этом регионы ресурсного типа значительно отличаются также по величине ВРП на душу населения, удельному весу ВЭД «Добыча полезных ископаемых». Дальнейшее использование этих данных требует применения дескриптив-

ной статистики, оценки типа распределения (таблица 2).

Данные таблицы 2 показывают, что структурные пропорции ВРП регионов России (доли малого и среднего предпринимательства, добычи полезных ископаемых) подчиняются закону нормального распределения (распределение Гаусса) и принципиально не изменились в 2020 г. по сравнению с 2019 г. Большинство ресурсных регионов тяготеют к удельному весу малых и средних предприятий около 17-18% ВРП, что ниже среднероссийских показателей. Наиболее типичная доля ВЭД

«Добыча полезных ископаемых» находится на уровне 35-40% (здесь следует отметить, что в добыче полезных ископаемых

малый бизнес представлен чрезвычайно мало).

Таблица 2

Дескриптивная статистика показателей, используемых в исследовании, и тип их распределения

Table 2

Descriptive statistics of indicators used in the study and the type of their distribution

	Ω_{SME}		Ω_{MIN}		GRP_{pc}	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020
Выборочная средняя	16,9	17,3	37,1	33,7	992,7	980,0
Мода	нет	нет	нет	нет	нет	нет
Медиана	18,3	17,9	40,8	35,5	780,6	697,6
Размах вариации	19,5	20,2	46,6	39,4	2057,9	2011,9
Среднее линейное отклонение	5,1	4,6	12,4	12,4	562,2	587,7
Среднее квадратическое отклонение	6,0	5,8	14,9	14,1	668,7	680,0
Коэффициент вариации, процентов	35,6	33,5	38,8	41,8	67,4	69,4
Асимметрия	нет	нет	нет	нет	нет	нет
Эксцесс	-1,2	-0,8	-0,8	-1,3	-0,2	0,42
Тип распределения	Гаусса		Гаусса		Пуассона	

Таким образом, основная часть ресурсных регионов тяготеет к характерным для этой группы пропорциям ВРП с точки зрения долей добычи полезных ископаемых и предпринимательства. Существенные отклонения в большую или меньшую стороны встречаются достаточно редко. Интересно также, что в 2020 г. по сравнению с 2019 г. не произошло какого-либо четко акцентированного, выраженного снижения удельного веса малых и средних предприятий в ВРП регионов ресурсного типа. Доля же добычи полезных ископаемых в этот период чаще сокращалась, чем росла, что связано со снижением мирового спроса на сырье.

Итак, пропорции интересующих нас компонентов ВРП распределены по нормальному закону, что позволяет применять параметрические статистические критерии. Также структурные пропорции ВРП регионов ресурсного типа не претерпели существенных изменений в 2020 г. по сравнению с 2019 г., что можно было ожи-

дать на фоне «коронавирусного» кризиса.

Иная картина наблюдается по показателю величины ВРП на душу населения. Ему присуще распределение Пуассона, т.е. в отдельных случаях наблюдаются аномально высокие значения, существенно превышающие средние и медианные (ВРП на душу населения достигает отметки более 2 млн. руб. в год и более). Хотя номинально коэффициент вариации несколько ниже 70%, и совокупность может считаться сравнительно однородной, фактически она приближается к уровню асимметрии.

Сопоставим далее совокупности ресурсных регионов и всех остальных регионов по показателю доли малого и среднего предпринимательства в ВРП с помощью t-критерия Стьюдента, наиболее уместного для сравнения в условиях нормального распределения. По результатам 2019 г. при расчете данного критерия он составил 5,90, тогда как критическое значение на уровне значимости 5% – 1,99, а 1% – 2,64. Поскольку наблюдаемое значение больше

критического, то различие между группами статистически значимо. Следовательно, доля малого и среднего предпринимательства в ВРП регионов ресурсного типа достоверно ниже среднего.

Расчет t-критерия Стьюдента по данным за 2020 г. показал, что наблюдаемое значение составило 5,40. Таким образом, удельный вес малого и среднего предпринимательства в регионах ресурсного типа в 2019-2020 г. был ниже, чем в группе остальных субъектов Российской Федерации. Причем в «коронавирусном» 2020 г. ситуация практически не изменилась. Действительно, только в 4 регионах из 16 (Белгородская область, Республика Карелия, Удмуртская Республика, Томская область) показатель доли малого и среднего предпринимательства в ВРП оказался выше среднего по стране (из суммы ВРП всех регионов).

Статистическая значимость изменения удельного веса малого и среднего предпринимательства в ВРП в 2020 г. по сравнению с 2019 г. оценивалась по парному t-критерию Стьюдента, который используется для сравнения данных «до и после». Расчет показал, что наблюдаемое значение критерия составляет 0,834, тогда как критическое для 15 степеней свободы – более 2,131. Можно утверждать: хотя удельный вес малого и среднего предпринимательства в ВРП регионов ресурсного типа достоверно ниже, чем в остальных, но события 2020 г. не привели к статистически значимому изменению данного показателя в динамике. Существующие пропорции ВРП сохранились.

Поскольку существенных различий данных за 2019 г. и 2020 г. не обнаружено, а коэффициент корреляции Ω_{SME} за эти годы составляет 0,932, то в дальнейшем ограничимся результатами за 2020 г. Рассмотрим далее, зависит ли показатель Ω_{SME} от Ω_{MIN} и GRP_{pc} .

Расчет коэффициента корреляции между Ω_{SME} и Ω_{MIN} показал, что в 2020 г. он составил минус 0,734 (критическое значение для 14 степеней свободы составляет

даже на 1% уровне значимости только 0,620). Таким образом, очень высокая доля добычи полезных ископаемых (от 40% ВРП и выше) приводит к низкой доле малого и среднего предпринимательства в ВРП. Однако автор считает некорректной гипотезу о вытеснении малых и средних предприятий сырьевым сектором.

Дело в том, что в регионах с наименьшей долей малого и среднего предпринимательства наблюдается наиболее высокий объем ВРП на душу населения. В Тюменской области, Сахалинской области, Чукотском автономном округе он составляет около 2 млн. руб. или более. На этом фоне нормальные для региона с меньшим ВРП абсолютные показатели деятельности малого и среднего предпринимательства образуют сравнительно низкую долю. Несколько менее выражена эта ситуация в Республике Саха (Якутия), Магаданской области. Кроме того, данные регионы отличаются суровыми природно-климатическими условиями, что негативно сказывается на возможностях сельского хозяйства (где малое и среднее предпринимательство занимает значительное место).

На этом фоне такие регионы, как Белгородская область, Республика Карелия, Удмуртская Республика, Иркутская область имеют более сбалансированное соотношение между малым и средним предпринимательством и добывающей промышленностью, но при этом ВРП на душу населения у них существенно ниже.

Поскольку малое и среднее предпринимательство концентрируется по преимуществу в сфере обслуживания потребностей домохозяйств, представляет интерес вопрос, выливается ли высокий уровень душевого ВРП в аналогичный уровень развития малых и средних предприятий. Коэффициент корреляции между соответствующими показателями составил за 2020 г. минус 0,657, что говорит о наличии достоверной отрицательной связи. Отметим, что душевой ВРП и удельный вес ВЭД «Добыча полезных ископаемых»

имеют сильную положительную связь (коэффициент корреляции 0,852).

Следовательно, достаточно высокие доходы населения, которые являются частью большого душевого ВРП, создают недостаточно стимулов для развития малого и среднего предпринимательства. Это объясняется несколькими причинами:

1. В северных регионах с достаточно высокими ВРП и доходами населения значительная часть последних тратится на иных территориях России и за рубежом (приобретение недвижимости в районах с благоприятным климатом, финансирование родителями обучения детей в вузах, отдых и т.п.).

2. Высокая дифференциация жителей северных регионов по душевым доходам (с существенным отрывом лидируют сотрудники добывающих предприятий) не создает критической массы платежеспособного спроса для развития многих предпринимательских проектов и видов бизнеса. Кроме того, северные регионы слабо заселены и имеют отрицательный вектор миграции.

Таким образом, представления о «ресурсном проклятии» в контексте развития малого и среднего предпринимательства в регионах России ресурсного типа подтверждаются эмпирически лишь частично. С одной стороны, доля соответствующих предприятий в ВРП достоверно ниже, чем во всех остальных регионах, удельный вес малых и средних предприятий имеет статистически значимую обратную корреляцию с душевым

ВРП и долей добычи полезных ископаемых.

С другой стороны, по мнению автора, нет оснований говорить о «вытеснении» малого предпринимательства добычей полезных ископаемых, картина существенно сложнее. Регионы с максимальной долей добычи полезных ископаемых имеют душевой ВРП в несколько раз выше среднего по стране и по другим ресурсным регионам, что обусловлено экспортом сырья. При этом доля малых и средних предприятий в ВРП низкая не потому, что они «угнетены» сырьевым сектором (например, проигрывают конкуренцию за факторы производства), а потому, что малый бизнес развит не более чем в среднем по стране. Это касается в наибольшей степени северных регионов с суровыми условиями. Иными словами, абсолютные показатели развития малого и среднего предпринимательства соответствуют нормальному уровню, но в относительном выражении они ниже среднего из-за «сырьевого» увеличения ВРП.

Данный факт подтверждается двумерной классификацией ресурсных регионов России по показателям долей малого и среднего предпринимательства, добычи полезных ископаемых в ВРП за 2020 г. (таблица 3). Отметим, что высокой долей малых и средних предприятий, добычи полезных ископаемых в ВРП признавалось значение выше медианных.

Таблица 3

Двумерная классификация ресурсных регионов России по удельным весам малого и среднего предпринимательства, добычи полезных ископаемых, 2020 г.

Table 3

Two-dimensional classification of the resource regions of Russia by the share of small and medium-sized businesses, mining, 2020

		Доля добычи полезных ископаемых	
		Высокая	Низкая
Доля малого и среднего предпринимательства	Высокая	-	5 регионов Белгородская область, Республика Карелия, Удмуртская Республика, Иркутская область, Томская область
	Низкая	7 регионов Астраханская об-	4 региона Республика Коми, Архангельская

		Доля добычи полезных ископаемых	
		Высокая	Низкая
		ласть, Оренбургская область, Тюменская область, Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ	область, Кемеровская область, Забайкальский край

Как видно из данных таблицы 3, около половины ресурсных регионов России отличаются сочетанием высокой доли добычи полезных ископаемых в ВРП и низкой – предпринимательства. В большинстве случаев они имеют как невысокую плотность населения, так и суровые природно-климатические условия, что сдерживает развитие малого предпринимательства, по причинам, указанным выше. На малые и средние предприятия влияет не ресурсное проклятие как таковое, а неблагоприятные внеэкономические факторы.

В 5 ресурсных регионах России достигнут высокий уровень развития малого и среднего предпринимательства, они отличаются нормальными по меркам нашей страны природно-климатическими условиями и достаточно высокой заселенностью, их экономика сравнительно сбалансирована. Еще 4 региона отличаются низкими по сравнению с медианой значениями исследуемых показателей. Это связано со значительным объемом выпуска в энергетике и обрабатывающей промышленности, индустриальным обликом экономики на фоне несколько более низкого душевого ВРП, чем в других регионах ресурсного типа, а также неблагоприятными природно-климатическими условиями.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить определенные особенности состояния малого и среднего предпринимательства в ресурсных регионах России, ко-

торые не вполне подтверждают традиционные представления о ресурсном проклятии. Большинство регионов тяготеет к удельным весам малого и среднего предпринимательства, добычи полезных ископаемых на уровне 17-18% и 35-40% соответственно, данные показатели распределены по нормальному закону. Причем в 2020 г. эти пропорции принципиально не изменились, даже несмотря на «коронавирусный» кризис.

С использованием t-критерия Стьюдента установлено, что удельный вес малого и среднего предпринимательства в ВРП ресурсных регионов достоверно ниже, чем у остальных (как в 2019 г., так и в 2020 г.). Этот показатель отрицательно коррелирован с удельным весом добывающей промышленности и размером ВРП на душу населения. Однако причины такого положения дел фактически не связаны с ресурсным проклятием, т.е. с непосредственным «угнетением» других отраслей и сфер деятельности минерально-сырьевым комплексом.

В таких регионах, как Тюменская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ и др., объем производства по ВЭД «Добыча полезных ископаемых» очень велик, душевой ВРП в разы превышает средний по России. При этом формируется своего рода «сырьевой навес», сильно влияющий на структуру ВРП. По абсолютному объему добавленной стоимости, создаваемой малыми и средними предприятиями, картина будет нормальной, но ее относительная доля находится

на низких отметках.

Высокий уровень душевого ВРП, между тем, не стимулирует развитие малого и среднего предпринимательства вследствие сурового климата, низкой плотности населения, отрицательного сальдо миграции, использованию доходов для удовлетворения потребностей за пределами регионов. Кроме того, душевой ВРП с точки зрения доходов распределен неравномерно. В то же время существуют регионы ресурсного типа (Белгородская область, Удмуртская Республика, Томская область), где соотношение малого предпринимательства и добывающих отраслей более сбалансированное. Следовательно, доля малых и средних предприятий в ВРП ресурсных регионов обычно ниже, но объяснение этого лежит в плоскости внеэкономических факторов.

Список литературы

1. Зарецкая В.Г. Титкова И.К. Диверсификация экономики российских регионов: измерения и тенденции // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, №12. С. 2236–2255.
2. Крюков В.А. «Квадратура» анклавной экономики // ЭКО. 2017. №2. С. 2–4.
3. Крюков В.А., Шмат В.В. Азиатская Россия – условия и препятствия поступательной диверсификации экономики макрорегиона // Пространственная экономика. 2022. Т. 18, №1. С. 34–72.
4. Милькин В. Россия нашла покупателей на весь уголь, от которого отказался ЕС // Ведомости. 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/08/17/936482-rossiya-pokupatelei-ugol> (дата обращения 10.11.2022).
5. Национальные счета. Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП и ВРП. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dolya_MSP_v_VRP.xlsx (дата обращения 10.11.2022).
6. Никифорова В.В. Методические подходы к рейтинговой оценке потенциала устойчивого развития добывающей промышленности северных регионов ресурсного типа // Региональная экономика: теория и практика. 2022. Т. 20, №10. С. 1879–1901.
7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 21 мая 2020 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 10.11.2022).
8. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта / М.П. Антонова, В.А. Баринова, В.В. Громов, С.П. Земцов, А.Н. Красносельских, Н.С. Милоголов, А.А. Потапова, Ю.В. Царева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 88 с.
9. Севастьянова А. Е., Токарев А. Н., Шмат В.В. Особенности применения концепции инклюзивного развития для регионов ресурсного типа // Регион: экономика и социология. 2017. №1. С. 213–236.
10. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Токарев А.Н., Шмат В.В. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 1. С. 93–105.
11. Цивилева А.Е., Голубев С.С. Влияние санкций на работу предприятий угольной промышленности // Уголь. 2022. №8. С. 84–91.
12. Auty R. Sustaining Development in Mineral Economies. The Resource Curse Thesis. London: Routledge, 1993. 284 p.
13. Fleming D.A., Measham T.G., Paredes D. Understanding the resource curse (or blessing) across national and regional scales: Theory, empirical challenges and an application // Australian Journal of Agricultural and Resource Economics. 2015. Vol. 59, no. 4. P. 624–639.
14. Gherghina Ş.C., Botezatu M.A., Hosszu A., Simionescu L.N. Small and medium-sized enterprises (SMEs): the engine of economic growth through investments and innovation // Sustainability. 2020. Vol. 12, no. 1. Article no. 347.
15. Gritsenko D., Efimova E. Is there Arctic resource curse? Evidence from the Russian Arctic regions // Resources Policy. 2020. Vol. 65, no. 1. Article no. 101547.
16. John J.D. Is there really a resource curse? a critical survey of theory and evidence // Global Governance. 2011. Vol. 17, no. 2. P. 167–184.
17. Klyuev N.N. The spatial analyses of natural resources use in Russia for 1990-2017 // Geography, Environment, Sustainability. 2019. Vol.12, no 4. P. 203–211.
18. Lashitew A.A., Ross L.M., Werker E.

What drives successful economic diversification in resource-rich countries? // *The World Bank Research Observer*. 2021. Vol. 36, no. 2. P. 164–196.

19. Pahnke A., Welter F., Audretsch D.B. In the eye of the beholder? Differentiating between SMEs and Mittelstand // *Small Business Economics*. 2022. Vol. 59, no. 3.

20. Pellegrini L., Tasciotti L., Spartaco A. A regional resource curse? A synthetic-control approach to oil extraction in Basilicata, Italy // *Ecological Economics*. 2021. Vol. 185. Article no. 107041.

21. Ross M.L. What have we learned about the resource curse? // *Annual Review of Political Science*. 2015. Vol. 18. P. 239–259.

22. Sachs J., Warner A. Fundamental sources of long-run growth // *The American Economic Review*. 1997. Vol. 87, no. 2. P. 184–187.

23. Sachs J., Warner A. The curse of natural resources // *European Economic Review*. 2001. Vol. 45, no. 4. P. 827–838.

24. Venables A.J. Using natural resources for development: why has it proven so difficult? // *Journal of Economic Perspectives*. 2016. Vol. 30, no. 1. P. 161–184.

References

1. Zaretskaya, V.G. and Titkova I.K. (2017), “Diversification of the Russian regions’ economy: measurements and trends”, *National Interests: Priorities and Security*, 13 (12), 2236–2255.

2. Kryukov, V.A. (2017), “Square of the enclave economy”, *ECO*, 2, 2–4.

3. Kryukov, V.A. and Shmat, V.V. (2022), “Asian Russia – conditions and obstacles for progressive diversification of the macro-region’s economy”, *Spatial Economics*, 18 (1), 34–72.

4. Milkin, V. (2022), *Russia has found buyers for all the coal that the EU refused* [Online], available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/08/17/936482-rossiya-pokupatelei-ugol> (Accessed 11 November 2022).

5. *National accounts. The share of small and medium-sized businesses in GDP and GRP*. (2022) [Online], available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dolya_MSP_v_VRP.xlsx (Accessed 11 November 2022).

6. Nikiforova, V.V. (2022), “Methodical approaches to the rating assessment of the potential for sustainable development of the mining industry in the northern regions of the resource

type”, *Regional Economics: Theory and Practice*, 20 (10), 1879–1901.

7. *On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030*. Decree of the President of the Russian Federation of May 21, 2020 [Online], available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (Accessed 11 November 2022).

8. Antonova, M.P., Barinova, V.A., Gromov, V.V., Zemtsov, S.P., Krasnoselskikh A.N., Milogolov, N.S., Potapova, A.A. and Tsareva Yu.V. (2020), *Razvitie malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii v kontekste realizatsii natsional'nogo proekta* [Development of small and medium-sized businesses in Russia in the context of the implementation of the national project], Delo Publishing House, Moscow, Russia.

9. Sevastyanova, A. E., Tokarev A. N. and Shmat V.V. (2017), “Features of the application of the concept of inclusive development for resource-type regions”, *Region: Economics and Sociology*, 1, 213-236.

10. Kryukov, V.A., Sevastyanova, A.E., Tokarev A.N. and Shmat V.V. (2017), “Modern approach to the development and selection of strategic alternatives for the development of resource regions”, *Economics of the region*, 13 (1), 93–105.

11. Tsvileva, A.E. and Golubev S.S. (2022), “Influence of sanctions on the work of coal industry enterprises”, *Coal*, 8, 84-91.

12. Auty, R. (1993), *Sustaining Development in Mineral Economies. The Resource Curse Thesis*, Routledge, London.

13. Fleming, D.A., Measham, T.G. and Paredes D. (2015), “Understanding the resource curse (or blessing) across national and regional scales: Theory, empirical challenges and an application”, *Australian Journal of Agricultural and Resource Economics*, 59 (4), 624-639.

14. Gherghina, Ş.C., Botezatu, M.A., Hosszu, A. and Simionescu L.N. (2020), “Small and medium-sized enterprises (SMEs): the engine of economic growth through investments and innovation”, *Sustainability*, 12 (1), 347.

15. Gritsenko, D. and Efimova E. (2020), “Is there Arctic resource curse? Evidence from the Russian Arctic regions” *Resources Policy*, 65 (1), 101547.

16. John, J.D. (2011), “Is there really a resource curse? a critical survey of theory and evidence”, *Global Governance*, 17 (2), 167–184.

17. Klyuev, N.N. (2019), “The spatial anal-

yses of natural resources use in Russia for 1990-2017”, *Geography, Environment, Sustainability*, 12 (4), 203-211.

18. Lashitew, A.A., Ross, L.M. and Werker, E. (2021), “What drives successful economic diversification in resource-rich countries?”, *The World Bank Research Observer*, 36 (2), 164-196.

19. Pahnke, A., Welter, F. and Audretsch, D.B. (2022), “In the eye of the beholder? Differentiating between SMEs and Mittelstand”, *Small Business Economics*, 59 (3).

20. Pellegrini, L., Tasciotti, L. and Spartaco A. (2021). “A regional resource curse? A synthetic-control approach to oil extraction in Basilicata, Italy”, *Ecological Economics*, 185, 107041.

21. Ross, M.L. (2015), “What have we learned about the resource curse?”, *Annual Review of Political Science*, 18, 239-259.

22. Sachs, J. and Warner, A. (1997), “Fundamental sources of long-run growth”, *The American Economic Review*, 87 (2), 184–187.

23. Sachs, J. and Warner, A. (2001), “The curse of natural resources”, *European Economic Review*, 45 (4), 827-838.

24. Venables, A.J. (2016), “Using natural resources for development: why has it proven so difficult?”, *Journal of Economic Perspectives*, 30 (1), 161–184.

Благодарности

Работа выполнена в рамках соглашения № 075-15-2022-1195 от 30.09.2022, заключенного между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Информация о конфликте интересов:

авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Корчагина Ирина Васильевна, кандидат экономических наук, директор Института экономики и управления, доцент кафедры бухгалтерского учета, налогообложения и финансов ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», (г. Кемерово, Россия)

Irina V. Korchagina, Candidate of Economic Sciences, Director of the Institute of Economics and Management, Associate Professor of the Department of Accounting, Taxation and Finance, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)